

Если кто нуждается для оцѣнки Грановскаго въ чужомъ свидѣтельствѣ, то онъ не можетъ найти въ этомъ дѣлѣ болѣе вѣскаго свидѣтеля, чѣмъ его ученикъ и товарищъ по кафедрѣ. Что же касается самого Кудрявцева, то ни въ чемъ, можетъ быть, такъ не обнаруживаются чистота и благородство его натуры, какъ въ его поклоненіи Грановскому. Въ ихъ индивидуальности было много несходнаго, и особенно въ характерѣ умственного труда и производительности. У Грановскаго было непосредственное творчество, подготавливавшееся продолжительнымъ скрытымъ трудомъ, а потомъ сразу выливавшееся въ художественномъ образѣ. Но за то это творчество обуславливалось необходимымъ личнымъ настроеніемъ и, такъ сказать, извѣстной температурой среды, въ которой должно было проявляться. Вотъ почему многіе учено-литературные планы Грановскаго, уже созрѣвшіе въ замыслѣ, не могли осуществиться; очень характеренъ въ этомъ отношеніи слѣдующій примѣръ. Грановскій чрезвычайно дорожилъ памятью Фролова и уже задумалъ статью о немъ. „Жду только, — писалъ онъ вдовѣ, — чтобы на меня сошла хорошая, свѣтлая минута, чтобы тотчасъ взяться за работу и кончить ее сразу, безъ промежутковъ, охлаждающихъ мысль“. И несмотря на это, онъ не успѣлъ написать задуманнаго. Вотъ почему для ученой дѣятельности Грановскаго были такъ важны и плодотворны публичные чтенія. Этимъ же самымъ обуславливаются характеръ и значеніе его университетскихъ лекцій; онъ самъ говорилъ, что лучшія мысли приходили ему на самой кафедрѣ. При такихъ условіяхъ лекціи не могли быть одинаковы и систематичны, и не всѣ первокурсники были въ состояніи правильно оцѣнить ихъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

При иныхъ условіяхъ совершалась ученая дѣятельность Кудрявцева. Его мысль получала законченность и зрѣлость посредствомъ литературной работы. Во время самой работы и при помощи ея онъ лучше ориентировался въ фактахъ и, вникая въ нихъ умомъ и чувствомъ, извлекалъ заключающійся въ нихъ смыслъ. Оттого онъ писалъ свои университетскіе курсы, по крайней мѣрѣ лучшіе изъ нихъ, и даже давалъ имъ литературную отдѣлку. Этому же свойству мы обязаны многочисленными лите-

---

клонниковъ Грановскаго, — его желчныя изліянія могли только изумить. Намъ пришлось слышать вопросъ: почему никто не возражаетъ противъ этихъ нареканій; но онъ давно уже опровергнутъ отвѣтами на подобныя же нападки Григорьева, и дальнѣйшее опроверженіе было бы недостойно памяти Грановскаго; а затѣмъ лицамъ, цѣнившимъ заслуги и хорошія свойства Аванасьева, даже неудобно разбирать сужденія, авторъ которыхъ не думалъ, что прежде всего онъ могутъ бросить тѣнь на него самого.